

Д. А. Миронов

ЭТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И. М. СЕЧЕНОВА

*Работа представлена кафедрой этики Санкт-Петербургского государственного университета.
Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Е. А. Овчинникова*

В статье рассматриваются этико-антропологические воззрения И. М. Сеченова. Проводится сравнительный анализ этико-антропологических представлений двух родоначальников научной антропологии – Н. Г. Чернышевского и И. М. Сеченова. Актуализируется значение философских работ И. М. Сеченова в контексте этико-антропологической проблематики в России во второй половине XIX в.

Ethic and anthropological views of I. Sechenov are observed in the article. The author carries out a comparative analysis of ethic and anthropological ideas of the two scientific anthropology representatives, N. Chernyshevsky and I. Sechenov. Philosophical importance of I. Sechenov's works is analysed in the context of ethic and anthropological problems in Russia in the second part of the 19th century.

И. М. Сеченов наряду с Н. Г. Чернышевским является родоначальником русской научно-философской антропологии, которая появилась в период бурного увлечения естествознанием в России в середине XIX в. «Научная мысль прочно входит в умственный обиход русского общества, сделавшись непременным атрибутом «передового человека»¹. Идеалом такого «передового человека» для нескольких последующих поколений стал «отец русской физиологии» – Иван Михайлович Сеченов.

И. М. Сеченов, так же как и Н. Г. Чернышевский в «Антропологическом принципе», склоняется к мысли о единстве человеческой природы. В своем втором программном произведении «Элементы мысли» (первым является «Рефлексы головного мозга») он утверждает, что только опытное естествознание по праву может обосновывать данное единство. «Натурфилософия по своему значению для жизни человечества едва ли превышает бред больного, давно уже забытый всеми, а опытное естествознание, врываясь в жизнь и обуславливая часто самые формы ее, представляет в то же время яркую картину постепенного расширения и углубления наших сведений о внешнем мире. Умозрительный метод привел к абсурду, а опытное направление мало-помалу достигает именно этой цели, которую ставит себе метафизика, – проникать более и более вглубь явлений»². Явления психической жизни человека должны быть подчинены материальным законам и изучаться с их помощью. Возможность существования психологии как науки предполагает, по Сеченову, что «психическая жизнь вся целиком или, по крайней мере, некоторые отделы ее должны быть подчинены столько же непреложным законам, как явления материального мира, потому что только при таком условии возможна действительно научная разработка психических фактов»³. Сеченов предлагает изучать человека с помощью средств науки. «Человек есть определенная единица в ряду явлений, представляемых нашей планетой, и

вся его даже духовная жизнь, насколько она может быть предметом научного исследования, есть явление земное... А между тем исходная точка метафизики и есть обособление духовного человека от всего материального – самообман, упорно поддерживающийся в людях яркой характерностью самоощущений»⁴.

Сеченов отводит познание мира исключительно ощущениям, что сближает его с сенсуализмом. «Мир действительно существует помимо человека и живет самобытной жизнью, но познание его человеком помимо органов чувств невозможно, потому что продукты деятельности органов чувств суть источники всей психической жизни»⁵. Человеческая природа устроена таким образом, что только мысли и чувства являются непосредственным двигателем человеческих поступков. Нравственный мир есть результат развития психической природы, в основе которой лежат элементарные рефлекторные материальные закономерности. «Действия наши управляются не призраками, вроде разнообразных форм «я», а мыслью и чувством. Между ними у нормального человека всегда полнейшая параллельность: внушен, например, поступок моральным чувством – его называют благородным; лежит в основе его эгоизм – поступок выходит расчетливым; продиктован он животным инстинктом – на поступке грязь»⁶. Сеченов не упрощает природу человека и не сводит ее к какому-то одному принципу, а предоставляет несколько вариантов существования нравственной жизни, которая будет обусловлена характером воспитания и развития психики человека. Более того, он предлагает читателю следовать только научному пути при исследовании проблемы природы человека; обращает внимание на картину возникновения мысли в период раннего детства и признает неизученность данной проблемы. «В умственной жизни человека одно только раннее детство представляет случай истинного возникновения мыслей или идейных состояний из психологических

продуктов низшей форм, не имеющих характера мысли. Корни мысли у ребенка лежат в чувствовании, потому что его умственные интересы сосредоточены исключительно на предметах внешнего мира. Ребенок учится различать в предметах их свойства и взаимные отношения. Мышление взрослого человека произрастает из форм детского и предполагает эволюцию мышления... путь эволюции мышления должен оставаться неизменным на всех ступенях развития мысли»⁷. Сеченов строит свое учение о развитии мышления и высшей нервной деятельности, беря за основу эволюционные идеи Спенсера, однако он не расширяет эти принципы до социальной теории, как поступили чуть позднее представители органицизма.

Сеченов интересуется метафизическими представлениями с целью понимания физиологического механизма их возникновения. «Мысль всегда сохраняет в большей или меньшей степени черты своего первоначального образа, т. е. реального впечатления, но она не фотографический снимок с него; по мере того как мысль восходит по ступеням, удаляющим ее все более и более от первоначального источника, она становится, так сказать, более и более неосвязаемой, от нее как бы отваливается что-то постороннее и, в конце концов, остается род квинтэссенции предмета. Этот абстракт от всего чувственного, уже не делимый более, идея, и есть сущность вещей метафизиков – коренное свойство предметов (род их души), открываемое только путем непосредственного познания, доступное только чистому умозрению. Наука о подобного рода сущностях и есть метафизика»⁸. Существование метафизических учений вполне закономерно и естественно, поскольку ясен физиологический механизм их образования. «Корни метафизических учений лежат в совершенно естественном и потому совершенно законном стремлении (мы даже знаем физиологические основы его) человека выделять умственно из конкретных фактов отдельные при-

знаки их и классифицировать последние на более или менее существенные, более или менее постоянные. На этом зиждется всякая классификация в науке; а известно, что если классификация рациональна, то она заключает уже в себе все существенные выводы науки, следовательно, по цели, в этих пределах, метафизика имела бы законное право быть. Но она делает, к несчастью, огромный грех уже своим последующим шагом: вместо того чтобы дробить свои объекты в пределах реального (подобно, например, зоологу, создающему тип позвоночных и беспозвоночных животных) и останавливаться в своих заключениях на добытых только таким образом фактах, она выходит из мысли, что во всех без исключения случаях, т. е. по отношению ко всем главным отделам человеческого мирозерцания (внешний мир, душа человека и проч.), ум человеческий может зайти за пределы познания посредством органов чувств...»⁹. Таким образом, признавая общий корень происхождения как научного, так и метафизического мышления, Сеченов отвергает метафизический характер мышления за чрезмерное умозрение, противоречащее фактам.

В отношении свободы воли Сеченов так же, как и Чернышевский, придерживается точки зрения детерминизма, развивая учение о несвободе. Он отрицает существование свободной воли на основании невозможности исследовать объект свободы с помощью органов чувств. «Если бы присутствие свободной воли в человеке было столько же ясно, как присутствие, например, глаз или ушей, то и споров бы с ней не было»¹⁰. Сеченов утверждает, что отсутствие свободы не оказывает «развращающего действия» на мораль. «Развращающего действия на мораль мысль о несвободе воли иметь не может; следовательно, человек и без свободной воли остается правоспособным в деле заключения договоров и принятия на себя обязательств, т.е. правоспособным членом общества»¹¹. Отсутствие свободы воли компенсируется воспи-

танием и самовоспитанием – посредством «образования ума и сердца». «Как бы не извращалось учение о несвободе, все же для всякого человека открыта возможность всяких действий, и в частности, возможность хороших действий, если стараться об образовании ума и сердца»¹². Более того, по Сеченову, понимание несвободы как зависимости человека от внешней и внутренней среды только укрепляет нравственность человека, поскольку способствует появлению веры в добро. «Доказывая роковую зависимость человеческих поступков от условий внешней и внутренней среды, оно (учение о несвободе воли) учит: снисходительности к ближнему и смирению в отношении к себе; незыблемости добродетели в истинно-нравственных людях и возможности исправленности дурных, т. е. вере в добро и исправимость зла»¹³. Вера в добро, в свою очередь, способствует укреплению веры человека в свои силы. «Упрочивая доверие к людям вообще, учение сводит на более положительную почву и оценку собственных сил – упрочивает доверие человека к себе в пределах этой оценки»¹⁴. Наконец, учение о несвободе, ставя действия человека в роковую зависимость от его умственного и морального развития, «служит стимулом к работе над собой с целью умственного и нравственного совершенствования. С свободной волей можно еще, пожалуй, рассчитывать, авось она выручит. С учением о несвободе «авось» исчезает – какова почва, таковы и поступки»¹⁵.

Сеченов признает необходимое существование мира вне чувств человека, а самого человека как необходимую часть этого мира. Человек, будучи частью необходимости мира, – несвободен. Последовательное размышление должно было бы привести его к учению пантеизма: имманентности Бога миру, их нераздельности. Бог-субстанция порождает мир природных вещей из себя и сохраняет их в себе, а не творит вовне. Следующим шагом следовало бы признание бытия Бога. Однако Сеченов уклоняется от данного хода мысли и пы-

тается обосновать несвободную свободу в человеке, введя понятие веры, которое, к сожалению, нигде не раскрывает. Он использует понятие веры в традиционном его представлении, никак не пытаясь дать определение этому столь сложному понятию. Религиозные представления и высказывания Сеченова практически неизвестны, что навеивает на мысль о некоторой поверхностности и необоснованности вывода о существовании нравственности в отсутствие свободы воли. Здесь в Сеченове сказывается характер традиционной русской ментальности – под свободой он понимает «авось», произвол, а не ответственность и выбор поступков, как принято понимать в западноевропейской философской традиции. Соответственно, под несвободой понимается такое положение вещей, при котором в ситуации отсутствия выбора остается только искомое – природное и нравственное. Сеченов допускает редукционизм к натурализму, в духе Спенсера, однако пытается выровнять ситуацию за счет введения представления веры, которое у него не приобретает характера понятия.

Можно охарактеризовать антропологические и этические представления Сеченова недостаточными только с позиции критической философии Канта, с которой он не был знаком. Отсутствие опыта критической философии дало свои характерные результаты. Представления Сеченова несут в себе отпечаток позитивизма и эволюционной теории Спенсера в гораздо более широком смысле. Сеченов длительное время пребывал за границей, где мог непосредственно перенимать опыт естественных наук и новейших интеллектуальных воззрений европейских стран. Вернувшись в Россию, он сделал ряд крупнейших мировых открытий в области физиологии, фактически став одним из отцов-основателей этой науки, своим примером способствовал укоренению на русской почве идей позитивизма и эволюционизма. В своей революционной для того времени брошюре «Рефлексы головного мозга» он вводит в лекси-

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

кон русской речи и обосновывает новые научные принципы позитивизма, на основе которых вырастет целый пласт научной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Замалеев А. Ф.* Идеи и направления, СПб., 2003. С. 27.

² *Сеченов И. М.* Элементы Мысли. СПб., 2001. С. 178.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 184.

⁵ Там же. С. 185.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ Там же. С. 212.

⁸ Там же. С. 117.

⁹ Там же. С. 177.

¹⁰ *Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. М.: ОГИЗ, 1947. С. 317.

¹¹ Там же. С. 318.

¹² Там же. С. 131.

¹³ *Сеченов И. М.* Собрание сочинений. М., 1952. Т. 2. С. 134.

¹⁴ Там же. С. 134.

¹⁵ Там же. С. 134.